

В. Княжнин

**Александр Александрович
Блок**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Книажнин**
Александр Александрович Блок / В. Книажнин – М.: Книга по Требованию,
2015. – 134 с.

ISBN 978-5-517-98004-5

ISBN 978-5-517-98004-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Итак, прежде всего род, предки.

А. А. не интересовался этим. Он искренно верил в легенду, которую закрепил печатно С. Городецкий ¹⁾, будто бы один из предков был врачом царя Алексея Михайловича. Прапрадед—Иоганн фон Блок, родом из Мекленбург-Шверина, действительно, был медиком, но в русскую службу вступил лишь в 1755 г., полковым врачом. Участвовал в семилетней войне, и в 1785 г. назначен лейб-хирургом наследника. Доктор искусный, он был известен далеко в провинции. Пастор Виганд, воспитатель детей харьковского помещика Петра Андреевича Щербинина, рассказывает об одной «удачной, очень трудной операции», для которой привозили специально в Спб. к И. Л. сына названного помещика ²⁾. В 1796 г., апреля в 25 день, Блок был «пожалован на дворянское достоинство дипломом» «по заслуженным чинам» и награжден поместьем в Ямбургском уезде Спб. губ. Вот герб Блока:

¹⁾ См. Новый Энци. Слов. Брокгауза. Блок.

²⁾ В. В. Тимошук. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764—1808 гг. Р. Ст. 1892, LXXIV, июнь. Стр. 560.

«В щите, имеющем красное поле, изображена шестиконечная золотая звезда; под нею означены на положенном горизонтально серебряном пне два диагонально перевившиеся Змия, держащие в ортах золотые ветви. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом, на котором возвышаются два черные орлиные крыла. Намет на щите с правой стороны черный, а с левой красный, подложен серебром» (Общ. Герб. I, Спб. 1798, стр. 144).

В дальнейшем, для нашей задачи довольно родословной таблицы и нескольких замечаний.

Александр Иванович, прадед А. А., — человек, близкий к Николаю I, попавший в его завещание (составленное ¹⁾ в 1845 г.), отец многочисленного семейства.

Лев Александрович — дед поэта. Окончив училище Правоведения, он женился на дочери Александра Львовича Черкасова (р. 1796 † 1856), псковского гражд. губернатора, «честнейшего труженника», много-семейного, небогатого, — необыкновенной красавице. В Спб. у Л. А. было два дома: каменный и деревянный; и дача на Петергофской дороге. Родовые земли, нераздельно с братьями и сестрами, находились в Спб. же губ.: в Ямбургск., Гдовск. и

¹⁾ Les dernières heures de la vie de l'empereur Nicolas I. Vienne. 1855, p. 19: просьба к наследнику о пожаловании тайн. сов. Блоку, за его долгу и верную службу, пенсии в размере оклада содержания.

Лужском уездах. Последние два года жизни Л. А. был ненормален.

Отец—Александр Львович, ученик А. Д. Градовского, профессор госуд. права в Варшаве, автор работ: «Госуд. Власть в европейском обществе». Спб. 1880 г. и «Политическая литература в России и о России». Варш. 1884 г., встреченных в свое время и «оживленной полемикой», и благожелательной критикой ¹⁾. В противоположность своим младшим двум братьям ²⁾, это был человек неуравновешенный. Таким, по крайней мере, он рисуется в характеристике сына ³⁾. Последние 20 лет жизни, трудился он над сочинением, посвященным классификации наук. Выдающийся музыкант, знаток изящной

¹⁾ Крит.-Биогр. Словарь Венгерова. Т. III, Спб. 1892.

²⁾ Петр (участвовал волонтером в Русско-Турецкой войне (1877—78 гг.) и служил в стрелках Имп. фам., в 4 бат.; затем по Мин. Торг. и Фин., с пол. 80-х гг.—присяжн. пов.) и Иван (бессарабский вице-губ., гродненский и затем самарский губ., убит эсерами. Как о человеке, с большой к нему симпатией, см. у кн. С. Д. Урусова, «Записки губ.». Москва, 1907 г. и И. Ф. Кошко, «Воспом. губ.». Птгр. 1916).

³⁾ См. Русск. Лит. XX века. Под ред. Венгерова. изд. «Мир», кв. VI; «Возмездие» (гл. I, «Русск. Мысль» 1917, янв.; гл. III — «Зап. Мечтателей» 1921, 2—3; и отд. изд. «Алконост». Спб. 1922).

литературы и тонкий стилист,—он считал себя «учеником Флобера». «Последнее и было главной причиной того, что он написал так мало, не завершил главного труда жизни: свои непрестанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которых искал; в этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как во всем душевном и физическом облике его»¹⁾. Эта характеристика развивается подробно в «Возмездии» (если, в общем и целом, не считать эту поэму за *licentiam poetisam*—биографические элементы ее слишком явны). «Красавец», говорит о нем Достоевский в салоне А. П. Философовой (Ольги Павл. Вревской—в поэме). «Похож на Байрона». «Байрон — значит—демон», говорят о нем дамы. Но демон, прибавляет автор, уже околдованный тайно «усталым холодом болезни», дух — без воли. Брак, от которого родился поэт, был неудачен. Не прошло и года, как жена оставила мужа и возвратилась в отчий дом.

Что с ней? Как стан прозрачный тонок!
Худа, измучена, бледна,
И на руках лежит ребенок...

В общем, эта характеристика совпадает

¹⁾ Р. Лит. XX в., кн. VI, стр. 316.

с другой, сделанной человеком, который не мог знать ни о «Возмездии», ни об автобиографии А. А., учеником А. Л. и его преемником по кафедре госуд. права ¹⁾).

А. Л. рисуется здесь, как «чрезвычайно резко выраженный тип ученого искателя», вечно неудовлетворенного собою, как человек с непреклонною, «можно даже сказать, упрямою волею», незнавшею компромиссов. Решительный позитивист и в то же время—артистическая натура. Даже на стиле деловых факультетских бумаг «отражалась его забота о музыкальности языка». Слушателям его казалось, благодаря форме изложения, что «государственное право—на редкость изящная наука». Язык его книг, особенно второй, «поражал как богатством и неожиданностью ассоциаций и сближений, так и необыкновенною сжатостью». А в книге своей о Л. Штейне он «прямо таки подражал стилю» Флобера, в его романе «Мадам Бовари». В нем всегда боролись моралист, художник и ученый. Воля и чувство стремились к гармонии мира, но беспощадно аналитический ум «как бы тешил себя дисгармониею настоящей, единственно реальной действительности и рас-

¹⁾ Проф. Е. В. Спекторский. А. Л. Блок, государствовед и философ. «Варш. Унив. Изв.» 1912, III, IV; и отд. отт.—Варш. 1911, 80 стр.

страивал всякие мечты, всякую веру и надежду». В результате глубокая ирония, разочарование и резиньяция, и в то же время какая то грусть, тоска по иллюзии, какое то желание все-таки не расстаться окончательно с мечтой и верить в нее. И трагедия этой раздвоенности, раз начавшись, должна была завершиться. Она и завершилась в его «Классификации наук»: А. Л. «превращал целые страницы в строки, заменял фразы отдельными словами, а слова—знаками препинания» и не замечал, что вследствие этого его работа «становится все более и более символистической», для непосвященных уже совершенно непонятною.

Взгляните на таблицу—пора сделать некоторые выводы. В лице поколений Блоков перед нами не родовая, но служилая аристократия, типично петербургский, чиновный немецкий мир. Еще дед здесь пишется в документах исповедающим «евангелически-лютеранское» учение. Этот чиновный мир—та чернь, которую имел в виду, по мнению А. А. Блока ¹⁾, Пушкин, говоря

¹⁾ О назначении поэта. Речь А. А. Блока, 11 II (29 I) 1921 о Пушкине. См. Дом Литераторов. Пушкин. Достоевский. Петербург 1921, стр. 19, 22—23. Да, та самая «чернь», которая, однако, приняла участие, вольное или невольное—это все равно—в произведении на свет и нашего поэта!

о черни. И не даром у А. А. Блока первым его «вдохновителем» был Жуковский, едва ли не наиболее тесно, почти всеми своими отношениями связанный с германским миром. И не даром этот атавизм прорывался сквозь всю любовь поэта к России и мешал ему познать нашу родину в ее строе, а не в ее трагических противоречиях, «непримиримых и требовавших примирения».

С материнской стороны в роду — все русское, коренное, гиперболически русское. Но что примечательно — тоже все петербуржцы. И Г. С. Карелин, из дворян петербургской губ., с женою своею, Александрой Ник. Семеновою¹⁾, проведенный свои самые впечатляющие, молодые годы в Спб., и А. Н. Бекетов, привезенный в Спб. 9 лет от роду, начавший учиться здесь на восточном факультете Спб. университета и служивший юнкером в Егерском полку, и позже, с 1860 г., профессорствовавший здесь, и жена его, и все их дети.

С отцом своим А. А. Блок встречался мало, он только «помнит его кровно».

¹⁾ Она получила образование в 20-х гг. XIX в. в пансионе г-жи Шредер, помещавшемся в маленьком деревянном флигеле по Невскому просп., 92, где находились в свое время книжные магазины Фену и кн.-ва «Знание» и Торговая Палата.

Другое дело Бекетовы: мать, бабушка, дед. С ними он связан и кровно, и духовно. И в двух известных автобиографических справках ¹⁾ А. А. наиболее охарактеризована эта семья, в эту сторону стремится поэт направить внимание читателя, подчеркивая тем самым, кому именно он больше всего обязан своим развитием.

Род Бекетовых—довольно древний дворянский род, но та ветвь его, к которой принадлежал дед А. А. и которая на нем, кажется, и оборвалась, дала только одного замечательного человека, Андрея Ник. Бекетова ²⁾, хотя и его братья: Алексей, бывший так наз. «бессменным» председателем Пензенской губ. земской упр., и академик Николай были трудолюбивые и талантливые люди.

Бельмо на правом глазу «с самого детства» помешало стать офицером. Под влиянием брата Николая, «химика», А. Н. поступает вольнослушателем на естествен-

¹⁾ Первые литературные шаги. Автобиографии совр. русск. писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер. М. 1911, стр. 83—87. Русск. Литер. XX в. 1890—1910. Под ред. С. А. Венгерова. М. Кн. VI, стр. 312—319.

²⁾ Его автобиографич. записка. См. Венгеров. Крит.-Биографич. Словарь русск. писателей и ученых. Спб. 1891. Том II, вып. 22—30, стр. 353—363. Мать А. Н., Екат. А., рожд. Якушкина, из рязанских дворян, скончалась в молодых годах.

ный разряд физико-математич. факультета в Казани. В 1849 году курс окончен, и осенью этого года он уезжает в Тифлис, учителем естествознания. Там он провел несколько лет, давая уроки, а свободное время проводя большею частью со своим другом, секретарем французского консульства Колленом, «усердным католиком», в беседах и прогулках по окрестностям: их обоих объединяло «какое то» стремление «к идеальному совершенствованию». Прогулки эти назывались «гимнастикой» (по Платону), а чтение диалогов Платона, сочинений Лейбница и др.—«музыкою». Ели только хлеб и лук и разговаривали «по поводу христианской нравственности».

Так идеалистически настроенный, столь же идеалистически, по старинному, обрел заочно А. Н. и свою жену. В Тифлисе он познакомился с Александрою Григ. Коваленской, и та заочно посватала ему свою младшую сестру. Получив, после поездки в Спб., магистра ботаники, он женился в 1854 г. на Елизавете Григ. Карелиной и временно жил в их имении, с. Трубицыне, Моск. губ., Дмитровск. у., по Ярославской дор., верстах в 60-ти от Москвы.

С 1863 года начинается петербургская жизнь Бекетовых: его профессорствование в Спб. университете, где с 1876 по 1883 гг. А. Н. был ректором, а с этого

года (изменение унив. устава и конец выборным ректорам)—секретарем В. Эконом. Общ. и с 1891 г.—его вице-президентом ¹⁾). Все это—указания на широкий общественный путь, которым пришлось идти А. Н. Не даром на одном фотографическом снимке видим его «под ручку» с А. П. Философовой—ее кружок, ее «салон» был движущим центром всего тогдашнего (70-х—80-х гг.) либерального движения, «оппозиции его величества», пожалуй, столько же, сколько и «его величеству». Стоит только вспомнить борьбу за осуществление высшего женского образования в России и создания женских курсов, названных «Бестужевскими», хотя В. В. Стасов полагал, что им более подходило бы название «Стасовских» (в честь Н. В. Стасовой), а наш поэт, как будто, не прочь от того, чтобы назывались они «Бекетовскими». Стоит вспомнить и красное здание Ботанического Кабинета на университетском дворе, и его оранжереи, сооруженные трудами А. Н. и на земле, уступленной военным ведомством нашей *almae matris*. А изустные предания и анекдоты о столкновениях мягкого ботаника и басистого, напористого химика, его друга

¹⁾ Биографич. Словарь проф. и преподавателей И. Спб. Унив. 1869—1894. Том I. Спб. 1896, стр. 42—47.